

АНДРЕЙ КОНСТАНТИНОВ
ФРОНТОВАЯ
ЛЮБОВЬ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К65

Серия «Бандитский Петербург»

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

В оформлении обложки использована фотография
из фотобанка Shutterstock.
Автор: Vladimir Razgulyaev

Константинов, Андрей Дмитриевич
К65 Фронтальная любовь / Андрей Константинов.— Мос-
ква: Издательство АСТ, 2022.— 348, [2] с. (Бандитский
Петербург).

ISBN 978-5-17-146502-5

«Фронтальная любовь — любовь обреченная. Она никогда и ни во что не развивается. Но само чувство в момент наивысшего развития столь остро и присто, что многие, его испытывавшие, подсаживаются на фронтальную любовь как на наркотик. Порой это становится одной из причин, по которым человек снова возвращается к работе в горячих точках. В тайной надежде еще раз встретить Ее. И даже не знаешь — жалеть ли несчастных за то, что фронтальная любовь чуть не сожгла их. Или, наоборот, завидовать. Их недолгим дням настоящего, невероятного счастья».

Андрей Константинов

© Андрей Константинов, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2022

От автора

Помните анекдот: в Париже внушка подходит к бабушке и спрашивает: «Бабуля, что такое любовь?» Бабушка — типичная такая, породистая парижанка отвечает ей: «Любовь, деточка,— это то, что придумали русские, чтобы не платить денег».

В этом анекдоте зафиксирована наша особая национальная гордость: мол-де, одни только мы и умеем любить по-настоящему. Якобы это все от широты русской души. Которая, если уж полюбит, то обязательно: дым, гром, прах и пепел; не за что-то, не вопреки, а просто так. Лично я не разделяю подобного представления и считаю, что любить «по-настоящему» умеют все народы. Ну, почти не разделяю...

В предлагаемой читателям истории мне захотелось рассказать об одной из, скажем так, разновидностей любви. Называется она «любовь фронтовая». В отличие от рядового обывателя, слыхом о ней не слыхавшего, фронтовая любовь известна почти каждому опытному журналисту, побывавшему в горячих точках либо работавшему в связанных с риском командировках. Вот только журналисты не очень любят распространяться на эту тему, потому что даже сам такой рассказ считается дурной приметой: помянешь нечистого, он и объявится. Так что истории о фронтовой любви чаще всего

передаются шепотком, на ушко. И с обязательным сплевыванием через плечо в финале.

Фронтальная любовь — явление интернациональное, но внутрикорпоративное. Это вспышка страсти не по отношению к местным парням и девчонкам, а любовь, завязывающаяся у коллег по цеху. Между людьми, которые оказались в сложных условиях и прекрасно отдают себе отчет в том, что каждую минуту ситуация может измениться до совсем плохой. Вплоть до увечья или гибели. На фоне зашкаливающего адреналина, общего напряжения атмосферы и, одновременно, профессионального азарта, людей порой буквально швыряет друг к другу. Тогда-то и начинается фронтальная любовь, помогающая этим двоим «согреться». Причем накрыть может кого угодно. Даже людей из разных стран, говорящих на разных языках и стоящих на разных идеологических позициях.

Однажды мне довелось увидеть, как такая любовь заварилась между нашим телевизионщиком и журналисткой-немкой. Она почему-то не говорила по-английски, а наш парень английским как раз владел, но совершенно не знал немецкого. Отправляясь на свидание, он попросил нас подкинуть ему какие-то немецкие слова и фразочки. И мы, глумясь, снабдили его важными любовными репликами, навроде: «хальт», «нихт шиссен», «аусвайс», «ферфлюхте партизанен»... Самое интересное, что и с таким филологическим багажом у парня все получилось. Мы же окрестили его барышню «Гансом», так и не узнав, как немку звали на самом деле...

Фронтальная любовь — любовь обреченная. Она никогда и ни во что не развивается. Но само чувство в момент

От автора

наивысшего развития столь остро и пряно, что многие, его испытавшие, подсаживаются на фронтовую любовь как на наркотик. Порой это становится одной из причин, по которым человек снова возвращается к работе в горячих точках. В тайной надежде еще раз встретить Её. И даже не знаешь — жалеть ли несчастных за то, что фронтовая любовь обожгла, чуть не сожгла их. Или, наоборот, завидовать. За их недолгие дни настоящего, невероятного счастья.

Андрей Константинов

Р. S: Поскольку рассказываемая история разворачивается в декорациях наших дней, считаю необходимым заранее оговорить, что любые совпадения с имевшими место реальными событиями случайны, а расхождения, напротив, закономерны. Сходство главных героев с кем-либо из людей, ныне живущих, также является случайным, а эпизодически появляющиеся в повествовании «исторические» персонажи носят собственные «исторические» имена.

Часть первая

ФРОНТ

Глава первая

Я потом детально пытался разобраться, почему нас с Элеонорой в эту командировку направили. Ведь все знали, что мы сильно не ладим. И по всему выходит, случайно оно так получилось. Руководству действительно просто некого было отправить на эту чёртову международную конференцию, кроме нас...

С тех пор как государство повело борьбу за поголовное здоровье нации, останкинские курильщики оказались беспощадно выдавлены из коридоров телецентра. Конечно, в идеале с ними следовало поступить как с американскими индейцами: загнать в резервации и выдать зараженные оспой одеяла, чтобы они побыстрее все и очурились. Но так как в среде упертых адептов нездорового образа жизни имелись признанные акулы пера и профи телевизионного дела, подыскать достойную замену которым непросто, руководству пришлось пойти на компромисс и оборудовать неподалеку от центрального входа курилку. То есть поставить две уличные скамейки и поместить промеж них урну-пепельницу. А поскольку, так оно исторически сложилось, дымящаяся сигарета считается атрибутом творческого процесса, надо ли говорить, что свято место никогда не пустовало?

Часть первая. Фронт

Причем — ни днем ни ночью. Ведь ТВ — оно, как и Большой Брат, никогда не спит...

Вот и этим июльским утром на одной из курительных скамеек, вальяжно раскинувшись, в прямом смысле коптил небо местный старожил, новостной оператор Дмитрий Андреевич Образцов. В миру, невзирая на свои без малого пятьдесят, — Митя, а то и вовсе — Митюша. Вокруг Мити почтительным кружком сгрудилась охочая до баек зубра журналистики телемолодежь. А уж этих самых баек в его арсенале было — как у дурака фантиков.

Резким быстрым шагом мимо курилки в направлении центрального входа прошествовала красивая, очень стильно и очень дорого одетая женщина лет под сорок. Она предпочла демонстративно не заметить Митю, хотя Образцов столь же демонстративно ее поприветствовал, бойко вскочив и стянув с головы военно-полевую панаму.

— Элеонора Сергеевна! Радость-то какая! Одна и без охраны!

Распознав в тоне ёрничество, женщина молча прикусила нижнюю губу и невольно ускорила шаг. Митя же возвратил панаму на прежнее место, сел и назидательно обратился к молодёжи:

— Вот вам, мальчики и девочки, наглядный пример успешной карьеры. Как говорится, упорство и труд... Из сопливой стажёрки в замгендиры федерального канала. Это... Это ж понимать надо! — закончил он с интонацией старшины Васкова¹.

¹ Главный герой фильма «А зори здесь тихие», снятого по одноименной повести Бориса Васильева.

— А вот я слышала...

— А если кто политически незрелый,— грозно осадил худосочную очкастенькую стажёрку Митя,— начнет клеветать на руководство и распускать грязные сплетни про супруга Элеоноры Сергеевны, между прочим, одного из богатейших людей нашей страны, то мы дадим немедленный и жёсткий отпор! Не позволим глумиться над нашим прошлым, нашими, можно сказать, живыми символами. В 37-м вас бы за такие разговоры... Сталина на вас нет!

В следующую секунду к телецентру подъехало такси и из него выбрался мужчина — ровесник Мити, неплохо знакомый в лицо даже и молодой поросли. Это был собственной персоной Павел Бобков, звезда телеканала «Снег», которого в Останкино величали шутивным прозвищем «Медвежонок». В нем действительно было что-то от хитрого прощелыги-медвежонок, однако кличку свою Бобков получил не за внешнее сходство, а за... Впрочем, не будем забегать вперед.

— Мальчишки и девочки! Спешите видеть: а вот вам пример противоположный! Пример безвозвратно погубленной карьеры некогда талантливого журналиста в тоталитарной России... Как дела, жертва гомофобии?

— Пошёл в жопу, Митя! — вынужденно притормозив, огрызнулся рупор оппозиции, и молодёжь с интересом приготовилась следить за намечающейся словесной пикировкой двух «стариков».

— Медвежоночек, не заводись. Я тебя столет не видел.

— И ещё бы сто не увидел! Сидите тут, окопались... Министерство пропаганды и лжи!

Часть первая. Фронт

— А чего тады припёрси? Сидел бы у себя, на «Снеге», да и порошил? Дожидаючись, пока от собственного бесконечного злодейства загнетса кровавый Мордор.

— И сидел бы! У меня, Митя, работы по горло. Мне, в отличие от тебя, некогда молодым байки травить: про старые добрые времена, про журналистское братство да фронтовую любовь... Мы — работаем! Хоть кто-то должен в этой стране людям правду говорить?!

— Ясен пень! Потому и интересуюсь: чего припёрся-то? Не дай бог, без тебя правда загнетса. Как мы тогда, сирые, без вас обоих?

Понимая, что гонять мяч на словесном поле, где Митя всё равно его переиграет, смысла нет, да и времени жалко, Бобков вздохнул и сменил интонацию:

— Да мне выписку из бухгалтерии забрать. Для своих. А ваши, блин, уперлись рогом — по электронке нельзя, только лично и с паспортом. Прикинь, шас паспорт проверять станут, фотку с рожей сличать. Страна вахтёров! Вот хоть чуток власти есть — так на этот чуток тебя и нагнем.

— Да ладно тебе... Как старушка брюзжишь.

— Это я — старушка? — захлебнулся возмущением задетый за живое Медвежонок.— Да ты себя когда последний раз в зеркало видел? Сидит тут, как дедушка Ленин, с пионэрами. Между прочим, противоестественная тяга к молоденьким — признак подступающей старости!

Стремительно, чтобы не дать оппоненту успеть ответить, Бобков оставил курилку справа по борту и взял курс на стеклянную дверь. Ту самую, историческую. Которую, согласно демократическим апокрифам, в начале октября 1993-го пыталась штурмовать кучка макашовцев. И за отстояние которой наиболее ретивые милицио-

неры и вованы¹ получили из рук Самого («дипломатия, понимаешь!»)² свежеизготовленные медали «Защитнику Останкино» с девизом «Надежность и решительность».

— Чья бы корова про тяги противоестественные мычала... — хмыкнул вослед ретировавшемуся Медвежонку Митя. И те из молодых, кто поняли, о чём он, расхохотались.

— Между прочим, все эти ужасы, что Паша по всему свету рассказывает: дескать, вольный, свободный гей стал жертвой дремучей русской гомофобии — это, к чести нашего канала, не так. На деле всё много хуже было. Вернее — смешнее.

— А как? — загалдела молодежь. — Дмитрий Андреевич, расскажите! А?

И это был не тот случай, когда Митю требовалось долго и нудно упрашивать. Опять же настроение у него сегодня было соответствующее, на лирический лад настроенное.

— То, что Пашка — из *этих*, знали все. Он ведь буквально ко всем в штаны лез. И разговоры заводил. Достал, короче. Но журналист — действительно классный. Был. Пока башкой не поехал, на либерасячьих ценностях... Долго терпели его приколы. А он еще и, до кучи, бухать любил. И бухал серьезно. И вот однажды по пьяни, тыкая пальчиком в телефон, перепутал номер своего

¹ Сленговое именование солдат и офицеров внутренних войск (ВВ).

² Полная цитата Ельцина звучала так: «И силой нельзя, и отступать нельзя. Надо, чтобы и победа была, и чтоб без войны. Дипломатия, понимаешь».

любовника и нашего Генерального. Причём в четыре утра. И когда Кул спросонья сказал «Алё», Паша в ответ простонал: «Медвежонок мой!» Вот его с тех пор и кличут Медвежонком.

— И чего Кул? — отсмеявшись, поинтересовалась аудитория.

— А Кул на планёрке сказал: «Дело не в том, что пидор, а в том, что — охувший пидор. А это — беспредел. А беспредел — он, как и фашизм, не пройдёт». И Медвежонка репрессировали. Так он попал на канал «Снег», там таких много.

— Дмитрий Андреевич! — снова выперлась на первую линию очкастенькая. — А что за байку он упомянул? Ну, про эту... про фронтовую любовь?

— А это, дитя моё, скорее не байка — легенда. — Митя полез в карман за новой сигаретой. — Точнее — был на пополам с легендой. В общем, это как болезнь такая...

* * *

А красивая, на пять звёзд упакованная женщина — та самая, что без охраны, стояла у окна в кабинете у Генерального и с высоты третьего этажа с непонятным раздражением наблюдала за тем, как на улице Митя продолжал впаривать молодым...

Женщин на телевидении работает много — это факт. Также как факт и то, что оставаться женщиной на телевидении непросто, а зачастую — просто невозможно. Отсюда вопрос: а на фигу они туда идут? Попробуем сформулировать.

Одни идут за карьерой и славой. Телевидение магнитом притягивает барышень амбициозных, честолюбивых, ставящих во главу угла не воспетое Татьяной Овсиенко женское счастье, а признание и личный успех. За имя и репутацию они согласны вкалывать денно и нощно, сознательно идя на риск со временем приобрести сугубо мужские повадки и черты характера. При благоприятном стечении обстоятельств самые энергичные и напористые добиваются желаемого, но оборотной стороной медали становится неустроенность личной жизни. Все из себя такие самостоятельные, умные и успешные, они пугают неуверенных в себе мужчин, которых в нашем мире становится все больше. Равно как вызывают раздражение у зависимых, глупых и менее удачливых женщин, которых — еще больше.

Другие, напротив, вступают на телестезию, рассчитывая на свое женское начало. Они не обязательно внешне эффектны, но зато умело и расчётливо обаятельны. Таких особ телевизионный мир влечёт не столько престижностью, зачастую мнимой, сколько возможностью покрасоваться на экране. А не получилось попасть непосредственно в «ящик» — не беда. Всегда остается шанс оказаться в центре мужского внимания по другой, рядовому зрителю невидимую сторону телевизионного Зазеркалья. Ведь хоть и много женщин работает на телевидении, но мужиков — еще больше. И среди них встречаются весьма завидные экземпляры. Как то: брутальные операторы, циничные репортеры, манерные журналисты, модные ведущие, интеллектуальные редакторы, гламурные менеджеры, состоятельные продюсеры... Каравай-каравай, кого хочешь выбирай.

Еще есть на телике, и их немало, и те представительницы прекрасного пола, что попали сюда волей случая. Вроде как особо не рвались и не стремились, но так получилось. Свою работу они воспринимают именно как работу, а не как акт ежедневного творческого горения или самолюбования. Такие женщины — самые настоящие рабочие лошадки: ответственные, неамбициозны, почти чужды интриганства и капризов. Трудятся они на совесть, но исключительно более-менее стабильной зарплаты ради. А потому удовлетворения от своего труда не испытывают. И если подвернется шанс сменить род деятельности, покинут телевидение без всякого сожаления...

Но вот персонально Элеонора Сергеевна Розова проходила по типу смешанному. Таким, как она, теледамам жаждалось и славы, и женского счастья одновременно. Но «жаждать» еще не означает «состояться» — лишь единицам удастся совместить несовместимое. И госпожа Розова как раз была такой вот экзотической единицей. С одной стороны — головокружительный карьерный рост: от теледевчушки на побегушках до заместителя гендиректора федерального канала. С другой — любящий муж, двое детей, трехэтажная квартира в центре Москвы, загородный дом в Подмосковье и уютная вилла в Швейцарских Альпах. Да, кстати, «а кто у нас муж?» Ну, если судить не по гамбургскому, а по банковскому счету — однозначно, волшебник...

— ...Ты, если хочешь, кури. У меня в кабинете всё ещё можно,— великодушно предложил сидящий за столом-аэродромом Генеральный. Он же — Кул.

Несмотря на полусумрачное освещение Генеральный был в тёмных очках, а прислоненная к вешалке у двери белая трость красноречиво поясняла, что очки — не понты, а печальная жизненная необходимость.

— Если только с вами, Александр Михайлович, за компанию?

— А я, Эля, уже и сигарету почти не вижу. Не поверишь, оказывается, когда не видишь, как она тлеет, как пепел на кончике собирается,— и курить-то не шибко хочется. Такая вот... позитивная сторона слепоты.

— Да я тоже почти бросила. Муж постоянно ворчит. И дети подросли, начинают вопросы задавать.

Тем не менее Элеонора достала из сумочки пачку дамских сигарет и забрала со стола массивную пепельницу. Кул молчаливо выждал, пока она сделает пару-тройку затяжек, и лишь тогда приступил к главному. Вкрадчиво, издали заходя:

— Эля! Давай еще раз? Спокойно, без сердца?

— А я спокойна. Я спокойна, как ёжик в спячке. Забудьте, лично я никаких договоренностей не нарушала. Вы же сами меня от новостей отодвинули? Сказали, так оно лучше будет. Так?

Генеральный вскинул руку словно бы в защитном жесте:

— Так ведь иначе тебя на эту должность не заманить было! Верно?

— Ну, допустим.

— Во-от! Теперь побудешь немного замом по спец-проектам, обомнёшь, так сказать, новые погоны, и...

— И? И что потом, Александр Михайлович?

Устало вздохнув, Генеральный снял тёмные очки, протёр красные глаза и невидяще уставился на подчинённую:

— Мне скоро уйти придётся. Совсем скоро. Я уже с собачкой хожу. И с тросточкой. А где это видано, чтобы телеканалом слепой руководил? — Кул саркастически усмехнулся.— Ещё политическую близорукость пришьют... И надо, чтоб, когда руководство новое придет, твои позиции сильными были. Чтоб не съели тебя... Это — сложные шахматы, ты пока в них не очень. Но вот я на случайные ходы права не имею.

— И, конечно, для этих ваших шахматных комбинаций ну просто необходимо, чтобы я снова, как журналюшка-полевушка, взяла микрофон в зубы и сгоняла в Сирию? — Элеонора нервно загасила сигарету в пепельнице.— Да ещё и с вашим ненаглядным Митей.

И далее издевательски скопировала интонацию Генерального:

— С Митю-шей.

Получилось похоже. Так, что Кул обиженно нахмурил брови.

— Во-первых, просто некого послать. Вот честное слово. Была бы зима, а сейчас лето, все старички в отпуска разбежались. Да и конференция эта, будь она неладна, неожиданно на голову свалилась. Мне в Администрации рассказали, что она толком даже не прорабатывалась, всё на экспромте. Ещё и секретились до последнего, обстановка-то там, сама понимаешь. И всё, и вот! А из оставшихся — у кого паспорта нету, у кого — опыта. Сплошь гитлерюгенд какой-то, с ними много не навоюешь. И потом... — Кул заговорщицки понизил